

не дает, она бросает некоторый свет лишь на идеологическую борьбу во времена Козьмы.

Русское свидетельство о Войтехе впервые было опубликовано как приложение к русскому переводу труда И. Добровского о Кирилле и Мефодии (1825 г.), оно было также воспроизведено Н. К. Никольским¹⁸ и А. В. Флоровским.¹⁹ В этом известии говорится, что Войтех «разрушил веру правую и русскую грамоту» в Моравии, Чехии и Польше (не раз высказывалось предположение, что слово «русскую» заменило первоначальное «словенскую»). Этому известию о Войтехе как русские, так и чешские исследователи придавали большое значение. Выше говорилось, что А. А. Шахматов включил русское свидетельство в свою реконструкцию «Сказания о преложении книг» в качестве третьей его части, по нашей терминологии — в «старославянский Privilegium». Н. К. Никольский выдвинул убедительные аргументы против реконструкции А. А. Шахматова, отметив ее «вполне искусственный характер». Он показал, что известие о Войтехе («Сказание о грамоте Русьстей») противоречит двум первым частям реконструкции. Несмотря на это, Н. К. Никольский принимает «Сказание о грамоте Русьстей» за древний источник — конца XI или начала XII в. — и полностью ему доверяет. Поэтому он говорит о «губительной деятельности» Войтеха и утверждает, что взаимосвязи Киевской Руси с Чехией и Моравией были возможны только до Войтеха: «Еще в конце X в. были надорваны те связи, которыми летописец скреплял племенное единство моравы, чехов и ляхов с поляно-русью. После Адальберта Войтеха (ум. в 996 или 997 г.) западное славянство перестало быть с нею единоверным и вскоре заменило славянскую грамоту латинской».²⁰ Н. К. Никольский считает Войтеха могильщиком славянской культуры в Чехии, следовательно, все возможные связи Чехии и Киевской Руси приходится на более раннюю эпоху. Стремление к архаизации небезопасно: Н. К. Никольский все (упоминания о Норике, Иллирике и т. д.) относит к девятому, «золотому» веку. Время Войтеха кажется ему эпохой глубокого упадка. О существовании Сазавского монастыря он вообще забывает. Все построение Н. К. Никольского основывается на «Сказании о грамоте Русьстей».

А. И. Соболевский в рецензии на книгу В. М. Истрина поддерживает древность известия о Войтехе, относя его к домонгольской эпохе.²¹ Из чешских ученых на свидетельство русского источника о Войтехе ссылался Ф. М. Бартош, пытаясь защитить скептическую точку зрения И. Добровского о существовании славянской литургии в Чехии X столетия и вообще до основания Сазавского монастыря.²² Однако большинство чешских историков заняло недоверчивую позицию по отношению к русскому известию о Войтехе. Наиболее основательная критика этого известия дана В. Халупецким, который относил его к XIV или даже XV в. и совершенно отвергал его достоверность.²³

¹⁸ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник. . . , стр. 80, прим. 2.

¹⁹ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I. Praha, 1935, стр. 146 и сл. См. также в настоящей книге статью В. Ф. Мареша «Сказание о славянской письменности» (стр. 169—176), где публикуется текст «Сказания о славянской письменности» по вновь найденному списку и подробно исследуется этот памятник древнерусской письменности. (Ред.).

²⁰ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник. . . , стр. 48.

²¹ См.: ЖМНП. СПб., 1906, июнь, стр. 427—439.

²² Ср.: O Dobrovského pojetí osudů slovanské bohoslužby Čechách. — Historický sborník. Praha, 1953, стр. 7—26.

²³ V. Chalupecký. Sv. Vojtěch a slovanská liturgie. — Bratislava, roč. 8. Bratislava, 1934, стр. 37—45.